

«Слово о полку Игореве» в армянских переводах и критике

Первый известный нам перевод из «Слова о полку Игореве» на армянский принадлежит классику армянской литературы Ованесу Туманяну (1869—1923). Заметим, что в его личной библиотеке имелось несколько изданий «Слова» (СПб., 1846; СПб., 1870; СПб., 1877; Харьков, 1914; Пг., 1917), а также его русское изложение Н. Алябова (М., 1873) и ряд работ, посвященных этому памятнику. Очевидно, что Ов. Туманян не только досконально знал замечательный памятник древнерусской литературы, но глубоко его изучил. Следует согласиться с мнением некоторых армянских литературоведов, которые, исходя из постоянного интереса Ов. Туманяна к русской классике, особенно к эпосу русского и славянских народов, утверждают, что великий армянский поэт помимо русских былин намеревался перевести и «Слово о полку Игореве».

В архиве Ов. Туманяна сохранился перевод четверостишия из плача Ярославны, сделанный по тексту стихотворного переложения Н. Алябова:

Полечу ли по Дунаю кукушкою, Омочу ль рукав бобровый в Каяле-реке, Утру ли князю его раны я кровавые На его ли теле мужественном.	Հալի՜ դանձամ, Թոչեմ, Դունայի վրով, Սամուր Թևերս Թրքեմ Կայալուս, Սրբեմ իշխանիս վերբերն արյունոտ, Արնոտ վերբերը անձաղի մարմնի:
--	---

При переводе этого отрывка Ов. Туманян следовал тем принципам, которых придерживался во всей своей переводческой деятельности: оставаясь верным тексту, находить на родном языке эквиваленты, делающие понятными, доступными реалии жизни и быта. Так, в переведенном отрывке он заменяет слово «кукушка» на «հալի» («птица», не определяя — какая), что вызвано, с одной стороны, характерностью последнего для древнеармянской лексики, а с другой — связано с целым комплексом отрицательных представлений в армянском фольклоре, связанных с образом «кукушки»: что она бросает своих птенцов, разоряет гнезда, что дурной запах, исходящий от нее, присущ месту, где она находится, и т. п. Понятно, что Ов. Туманян не мог сохранить в характеристике Ярославны сравнение с кукушкой. Или эпитет «бобровый» («бобер» — Կոկր), замененный Ов. Туманяном на «սամուր» («соболь»), который оправдывается тем, что соболиные шапки, шубы носила высшая знать, а также стремлением к благозвучию стиха, нарушаемого словом «Կոկր». Между тем перевод Ов. Туманяна исключительно мелодичен: он сделан в правильных десятисложниках, традиционных лиро-эпических размерах армянской поэзии, с внутренними рифмами «թոչեմ—թրչեմ» («лететь—мочить»), аллитерацией, «արնոտ—անձաղի»

(«кровавый—окровавленный»), с синтаксическим повтором-стыком, особо подчеркивающим тяжелое положение Игоря в половецком плену.

*

Знакомство армянского читателя со «Словом» в вольном прозаическом переводе на армянский язык относится к 1938 г. Он принадлежал В. Микаеляну и Г. Саркисяну и был опубликован в дни юбилея 750-летия создания «Слова» (по господствовавшей в те годы точке зрения, что памятник написан в 1188 г.) в органе Союза писателей Армении газете «Гракан терт».¹ Обладая большим опытом в области переводов с русского, переводчики в целом с успехом справились с поставленной задачей. Правильно передав смысл памятника, они, однако, не сумели сохранить ритмический строй подлинника. В следующем номере этой же газеты² появились два стихотворных перевода отрывков, первый принадлежал А. Вартаняну, второй — Г. Стамболцяну. Мы не останавливаемся на них потому, что они скорее представляют рифмованное изложение содержания, чем поэтический перевод. На таком же уровне оказались и отрывки, помещенные в журнале «Хорурдаин граканутюн»³ и газете «Пролетар».⁴

Плодотворным оказался 1948 год. Вышло в свет на армянском языке учебное пособие для вузов Армении,⁵ в котором отдельная глава — 46 страниц — отводилась «Слову». При изложении содержания памятника из него было приведено в прозаическом переводе академика АН АрмССР К. А. Мелик-Оганджяна множество выдержек, так что создается полное представление о произведении в целом, включая и особенности его художественной формы. Блестящий знаток древнеармянской литературы и древнеармянского языка — грабара, свободно владевший и древнерусским языком, К. А. Мелик-Оганджян не ограничился простым изложением содержания, а во многих случаях дал дословный перевод текста. В этом плане примечательны те решения, которые принимались переводчиком. Приведем некоторые примеры. Обращение Игоря к дружине: «Братіе и дружино! Луце жъ бы потяту быти, неже полонену быти; а всядемъ, братіе, на свои бръзья комони да позримъ синего Дону».

«Եղբայրնե՛ր, և դո՛ւ, ի՛մ դրոժի՛նա, ա՛վելի լա՛վ է սպան՛վել, քան դերձա՛ծ լինել: Դե՛, հեժնե՛նք, եղբայրնե՛ր, արագա՛վազ նժու՛յգները մեր, և ա՛յ ամեն՛ի կապույտ Դոնի վրա...»:

Перевод адекватен оригиналу, за исключением одного случая: глагол «позримъ» автор передал армянским народным выражением «ա՛յ ամեն՛ի» («вглядываться», «проникать взглядом»). Это спорное решение, но оно не искажает оригинала.

Продолжение речи Игоря («Хочу бо, — рече, — копіе приломити конец поля Половецкого; съ вами, русици, хочу главу свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону») передано следующим образом:

«Տեղում եմ,—ասաց,—միգալս կոտրելի պոլովցիների տափաստանի սահմանի վրա, ուզում եմ ծեղ հետ, սուտորդիներ, կամ կայր դնել գու՛խս, կամ ըմպել սաղափարտով [ջուրը] Դոնից»:

¹ Гракан терт (Лит. газета). 1938. 12 мая. № 22. На арм. яз.

² Там же. 25 мая. № 23.

³ Хорурдаин граканутюн (Сов. литература). 1938. № 5—6. На арм. яз.

⁴ Пролетар. 1938. № 117. На арм. яз.

⁵ Айвазян К. В., Ясинская З. И. Литература Киевской Руси. Ереван, 1948. На арм. яз.

Следует выделить удачный подбор архаизмов: «копие» — «նիզակ», «шелом» — «աշխիվ ատ», что выдерживается переводчиком и дальше на протяжении всего перевода. Отметим также, что слово «русичи» переводчик правомерно передал через «ուսորդիներ» — «сыновья Руси».

Любопытна передача описания ночи в степи: «Длго ночь мръкнетъ. зоря свѣтъ запала. Мъгла поля покрыла. Щекоть славій успе; говоръ галичь убуди. Русичи великая поля чрьлеными щиты прегородиша, ищучи себѣ чти, а князю славы». В переводе:

«Գիշերը դանդաղ է խավարում.
վերջապույտը վառել է աշխարհը,
մեզը դաշտերն է պատել: Սոխակների
դաշտայրը լոեց, գորշագուամների
կրկուոցը արթնացավ: Ռուսորդիները դաշտերը լայնարձակ շրջափակեցին
վահաններով ծիրանի...»:

Для переводчика представляла трудность передача тех особенностей природы, которые характерны для русской степи, но не знакомы жителям горных мест. Тем более следует считать удачей находки переводчика, дающие армянскому читателю представление о ночи и голосах птиц в степи. Ночь в горах наступает быстро в отличие от степи, где это происходит постепенно, поэтому фраза «ночь мръкнетъ» передана предложением «գիշերը դանդաղ է խավարում» — «ночь медленно меркнет», а выражение «мъгла поля покрыла» переводится слово в слово. Фраза «щекоть славій успе» переведена «սոխակների դաշտայրը լոեց», где определение «щекоть» передано поэтическим словом «դաշտայր» («стрель», «дробь»).

Еще один пример описания: «Ту ся брата различа на брезѣ быстрой Каялы; ту кроваваго вина не доста; ту пирь dokonчаша храбрии русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую. Ничить трава жалощами, а древо с туюго къ земли преклонилося». В переводе:

«Այստեղ եղբայրները բաժանվեցին արագընթաց Կայալայի ափին այստեղ պակասեց արյուն-գինին և այստեղ ռուսորդիները ֆաջարի խնջույքը վերջացրին, խնամախոսներին խմեցրին, իսկ իրենի պառկեցին համուն ռուս երկրի: Մեզը Թառամեց խղճահար, ժառը խոնարիվեց երկիրն ի վար վշտահար»:

Здесь всем образным средствам К. А. Мелик-Оганджян нашел адекватные соответствия. Выделим лишь последнюю фразу, где выражение «ничить трава жалощами» найдено удачно «Մեզը Թառամեց խղճահար», вместо «խոտի» («трава») поставлено «մեզը» («пырей»).

Не будем продолжать — перевод не только передает смысл, содержание, но и самый дух эпохи, вводит читателя в мир словесных образов, символов, близких ему по памятникам древнеармянской литературы. Приходится лишь сожалеть, что К. А. Мелик-Оганджян не полностью перевел «Слово».

*

К 1948 г. относится и поэтический перевод «Слова», принадлежащий известному поэту и переводчику Сурену Вауни,⁶ вышедший вторым изданием в 1953 г. под редакцией и с предисловием выдающегося мастера армянской прозы Дереника Демирчяна.

⁶ Слово о полку Игореве / В пер. С. Вауни; Вступ. ст. К. В. Айвазяна и З. И. Ясинской. Ереван, 1948. На арм. яз.

Д. Демирчян определяет «Слово» как лиро-эпическое произведение, написанное в прозаическо-поэтической форме, напоминающей каденциальный стиль библейского повествования. Он находит его особое очарование в том, что пламенное обращение автора-певца к своим слушателям «всколыхнуло холодное, эпическое спокойствие и размеренность» повествования, «и эпос воспринимается как призыв к свободе, ратная песня, зовущая к историко-политическому подъему, как новое осмысление эпохи. Автор поднимается и возвышается над людьми своего времени, охватывает и обобщает историю своей эпохи, ее большую, значимую, перспективную сущность».

Указав наличие в «Слове» ряда сложных и темных мест, Д. Демирчян высоко оценивает памятник как своеобразное и сильное произведение, занимающее совершенно особое место в сокровищнице мировой литературы. Он считает особенностью стиля автора «суровые, густые цвета, жестокую простоту, свежие, естественные образы и теплоту, размашистость, страстность, благодаря которым „Слово“ обретает драматический пафос». Этот отзыв выдающегося мастера армянской прозы, видимо, знакомого со «Словом» не только по армянскому переводу, а и в оригинале, примечателен, в первую очередь, своей нестандартностью, в качестве еще одного, среди многих других, «прочтения» памятника писателем, глубоко и всесторонне отразившим в своем историческом романе «Вардананк» мир средневекового человека. По этой причине он вполне закономерно раскрывает новые стороны в «Слове» с точки зрения его восприятия армянским читателем, вводит памятник русского народа в цепь известных ему по родной литературе образов и представлений. Не будет преувеличением сказать, что небольшое предисловие Д. Демирчяна заложило начало изучению «Слова» в армянском литературоведении.

Такое же значение, по существу, имел перевод «Слова» С. Вауни, впервые донесший до армянского читателя полный (с незначительными пропусками) текст этого произведения. В его основу армянский переводчик положил нашумевшее в 40-х гг. переложение «Слова», принадлежащее А. Югову, и его комментарии к тексту. Последний же утверждал, что при переложении надо руководствоваться «лишь знаниями в древнерусском языке, без оглядки на чужие переводы, освещая все светом контекста, *памятуя, что „Слово“ есть песнь о битве с половцами*, — тогда все встанет на свое место».⁷ В беседе же с корреспондентом газеты «Смена» он заявил: «Я исполнен радости, что своим переводом возвращаю народу гордость его поэзии, возвращаю очищенную от лжетолкований поэму, как подлинно воинскую, дружинную боевую песню».⁸ Однако когда переложение А. Югова увидело свет, то научная критика обнаружила, во-первых, недостаточное знание А. Юговым древнерусского языка: как доказал Н. К. Гудзий, из сотни с лишним «новых» прочтений А. Югова большинство ошибочно;⁹ во-вторых, произвольность многих толкований А. Юговым «темных мест» «Слова», безосновательность его попыток «очистить» памятник от мифологических элементов. Вот один из многих примеров, приводимых Н. К. Гудзием: превращение А. Юговым зловещей птицы Див в прилагательное «дикий», а последнего — в «половца».¹⁰

Не будем продолжать: переложение А. Югова является не столько переводом «Слова», сколько собственной вольной композицией на его текст.¹¹

⁷ Югов А. Право на рецензию // Новый мир, 1945. № 7. С. 131.

⁸ Писатель А. Югов о своей работе // Смена. 1945. 23 янв.

⁹ Сов. книга. 1946. № 6—7.

¹⁰ Там же.

¹¹ Подробнее см.: Виноградова В. Л. «Слово о полку Игореве» в переводах Г. Шторма, С. Шервинского, И. Новикова и А. Югова // Слово о полку Игореве. М.; Л., 1950.

Забегая вперед, заметим, что, взяв за исходное юговскую интерпретацию «Слова», С. Вауни как бы обрек себя на неизбежные ошибки.

Достоинством перевода является высокая культура переводчика в знании как исторических обстоятельств, при которых зародилось «Слово», так и реалий русского военного быта. По всему чувствуется, что С. Вауни глубоко ознакомился не только с переложением и толкованиями А. Югова, но и другими исследованиями о памятнике. Отличает перевод и мастерское владение С. Вауни армянским стихом и изобразительно-выразительными средствами, разработанными армянской поэзией в ее многовековом развитии. Можно указать десятки и даже сотни художественных находок в переводе С. Вауни. Например, известное место о песни Бояна переведено так:

Երբ որ նա, Իմաստուն Բոյանը, Մտադրվում էր գովերգել մեկին, Ապա նրա միտքը այնժամ սուրում էր Ալյուրտի նման դեպի ժամն ի վեր, Գորշ գայլի նման—գետնի երեսով, Թուխ արծվի նման—ամպերի տակով:

Кроме того, что текст передан точно, найдены армянские адекватные образные выражения. Например, «серый волк» — «գորշ գայլ», «сизый орел» — «թուխ արծիվ». Или:

Быть грому великому!
Идти дождю стрелами —
с Дону Великого!
Тут-то копьям потрещати!
Тут-то саблям позвяцати —
о шеломы половецкие,
на реке на Каяле,
У Дону Великого!

Մոտ է մեծ որոտը:
Շուտով մեծ Դոնի կողից կտեղա
Նետերի անձրևը:
Այստեղ նիզակներ պիտի փշրտվեն,
Զարկվելով պիտի սաղափարտներին
Պիտի բթաման սրերը այստեղ —
Կայալայի մոտ,
Մեծ Դոնի ափին:

Не будем умножать примеры зачастую прямых открытий С. Вауни: поэтика перевода, его образная система, эмоциональный настрой максимально приближены к оригиналу. Это относится даже к стиховой структуре перевода, представляющей собой неурегулированное сочетание 5-ти- и 6-тисложных колонов, каковым был древнеармянский стих. Глубоко был прав Д. Демирчян, отметивший, что армянскому поэту удалось сохранить особенности стиля «Слова», создать полноценный перевод.

Но, как отмечалось, перевод С. Вауни не лишен явных ошибок и неточностей. На многие из них в свое время указала критика.¹² С некоторыми из замечаний переводчик согласился и внес исправления в последующие издания «Слова». Однако и после этих уточнений во 2-м, 3-м, 4-м и 5-м изданиях (1950, 1964, 1976, 1985, все — Ереван) остался ряд спорных решений.

Нельзя согласиться с переводом названия памятника — «Ասի Իգորի Բախտախախտի մասին» («Слово о сражении Игоря»), сводящим богатое идейно-тематическое содержание произведения лишь к одному из эпизодов — битве Игоря с половцами. Это название навеяно дилетантскими рассуждениями А. Югова, которые мы привели ранее. В работах ведущих медиевистов — В. П. Адриановой-Перетц, И. П. Еремина, Л. А. Дмитриева, А. С. Орлова, Д. С. Лихачева, О. В. Творогова и других — определено и недвусмысленно слово «пльку» («полку») дано в значении «поход» («առշափ անի»).

¹² См.: Григорьян К. Н. Армянский перевод «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве. М.; Л., 1950. С. 450—557.

Возражение вызывает и отождествление С. Вауни «Трояна» с «Бояном». По этому поводу переводчик пишет: «В „Слове“ трижды упоминается загадочное (таинственное) имя Траян или Троян. Его в нашем переводе мы заменили на Боян, и вот почему: со времени первого перевода „Слова“ прошло полтора века, однако ни один из исследователей не сумел объяснить, кого или что означает этот Траян или Троян. Некоторые находят, что речь о римском императоре Траяне, но против этой версии категорически возражал А. С. Пушкин, полагавший, что живший в I в. до н. э. римский император не мог иметь отношения к XII в., тем более к событиям на р. Дон. Часть комментаторов в этом имени видит Трояна — утверждение более чем неубедительное, особенно если принять во внимание то место в „Слове“, где время Олега Святославовича, т. е. XI в., определяется как... время века Трояна. Другие превращают Трояна в географическое или мифологическое понятие. Многие же из комментаторов пытаются вывести имя Троян от слова „трое“, приписывая его любому триумvirату или троице князей. Все эти объяснения лишь запутали вопрос и привели к новым противоречиям.

Единственно верное решение принадлежит проф. Н. Тихонравской, согласно которой Троян есть производное от Боян в результате неправильного прочтения рукописи „Слова“ и сохранилось затем по традиции. Эта гипотеза убедительна не только с точки зрения древности, но и потому, что, заменив Трояна Бояном, мы снимаем все противоречия. В пользу этого утверждения свидетельствует исследование нового переводчика „Слова“ А. Югова и его перевод («Троянова земля или — Боянова?» — «Слово о полку Игореве». Изд. «Сов. писатель», 1945). Все это дает нам право следовать примеру названного выше перевода и отказаться от загадочного Трояна или Траяна».

Мы привели столь обширную выдержку с тем, чтобы не только показать источник ошибки С. Вауни, а и всю опасность, говоря словами Д. С. Лихачева, «навязывания „Слову“ своих идей и концепций», которые «не расширяют и не углубляют наших представлений о „Слове“ и заставляют специалистов тратить время на опровержение этих взглядов и трактовок, изрядно иногда засоряющих нашу науку».¹³

А теперь — о «Трояне». В «Слове» это имя встречается *четыре* (а не три) раза и в каждом случае несет на себе определенную смысловую нагрузку, которая, как убедительно доказал Д. С. Лихачев, относится к какому-то русскому языческому божеству. В частности, он ссылается на апокриф «Хождение Богородицы по мукам», дошедший до нас в списке XII в., где в перечислении русских языческих богов назван и Троян.¹⁴

Спорными представляются и некоторые другие решения С. Вауни. Так, при передаче метафоры «поглотить четыре солнца» слово «поглотить» передано «ծածԳԷլ» («прикрыть», «покрыть»), что, естественно, ослабляет метафору, снижает эмоциональную напряженность текста; или «никнет» (трава) передано словом «խշտազ» («шуршать», «шелестеть»), это также нарушает образную систему оригинала. Остались и более существенные просчеты, например образ «кукушки» в плаче Ярославны. По этому поводу переводчик в примечании пишет: «В оригинале Ярославна сравнивается с какой-то неопределенной птицей — „зегзицей“. Ее В. Жуковский перевел „чететка“, Н. Гербель — „лесная голубка“, М. де Ла-Рю — „лесная горлица“ и одновременно — „кукушка“, Л. Мей — „жаворонок“ и т. д. Одним словом, сколько переводчиков, столько же птиц. В последнее время переводчики отдали предпочтение „кукушке“. Для нашего перевода мы не сочли удачным ни

¹³ Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1985. С. 333.

¹⁴ Там же. С. 102—103.

один из перечисленных, особенно „кукушку“, которая у армянского читателя вызывает неприятные ассоциации. Исходя из того, что в данном месте плача Ярославны она говорит о желании перелететь Дунай-реку, намочить рукав в речке Каяле, мы избрали „чайку“, которая более соответствует тексту».

Не говоря о том, что «зегзица» — не неизвестная птица, а именно кукушка,¹⁵ нам кажется, что вряд ли можно согласиться с выбором переводчиком слова «*q̄rshwç f*» («чайка»), потому что для степного Путивля чайка не характерна и более удачным является «*hwç f*», предложенный Ов. Туманяном. Укажем также на пропуск строк: «Сказали вы: „Отважимся сами, и грядущую славу стяжаем, и с предками славу разделим!“» и фразы «на ветрах ширяющий, хотящий птиц, буйный, одолеть».

Наши замечания ничуть не умаляют значения огромного и благородного труда С. Вауни, обогатившего своим переводом духовный мир армянского читателя. Однако от времени этого перевода прошло много лет, достигнуты значительные успехи в изучении древнерусской литературы, и особенно «Слова». Назрела пора либо нового перевода этого памятника с учетом всех новейших достижений современной медиевистики, либо внесения с соответствующими оговорками исправлений в перевод С. Вауни.

---

¹⁵ См.: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 1. С. 676; Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1978. Вып. 5. С. 368.